

Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы исследования

Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко, Ю.П. Зинченко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 12 февраля 2019/ Принята к публикации: 27 февраля 2019

Bilingualism and multilingualism as an interdisciplinary phenomenon: socio-cultural context, research problems and perspectives

Lyudmila A. Shaigerova*, Roman S. Shilko, Yuriy P. Zinchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: ludmila_chaigerova@hotmail.com

Received February 12, 2019 / Accepted for publication: February 27, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. По разным данным, около половины проживающих в мире людей в той или иной степени владеют двумя или более языками. Неуклонный рост двуязычного и многоязычного населения за счет миграции и изучения иностранных языков, с одной стороны, и реальная угроза исчезновения языков коренных и малых народов, с другой, ставят всестороннее изучение билингвизма и мультилингвизма в ряд важнейших социальных задач и междисциплинарных научных проблем.

Цель. Статья направлена на анализ и систематизацию полученных в исследованиях результатов о влиянии билингвизма на когнитивные процессы и индивидуальные особенности личности, а также на возможное выявление преимуществ двуязычия и связанных с ним сложностей.

Описание хода исследования. Рассмотрен феномен русско-национального двуязычия, его специфика в различных республиках Российской Федерации. Представлено разнообразие социокультурных контекстов, в которых исследуется билингвизм и мультилингвизм, обосновывающих необходимость междисциплинарного подхода к изучению феномена. Проведен теоретико-аналитический обзор исследований влияния билингвизма на когнитивные процессы и личностные особенности, а также его связей с этнокультурной идентичностью. Рассмотрены сферы, в которых билингвизм может предоставлять преимущества, и проанализированы риски для личности и общества, связанные с владением несколькими языками.

Результаты исследования. Выявлено, что результаты влияния билингвизма на когнитивные процессы и личностные особенности имеют противоречивый характер и определяются установками исследователей, совокупностью множества факторов и дополнительных переменных, которые с трудом поддаются контролю в связи с различными методологическими проблемами. Показана необходимость междисциплинарного взаимодействия в изучении влияния многоязычия на различные индивидуальные и социальные процессы.

Выводы. Основной вывод заключается в том, что двуязычие и многоязычие сами по себе не являются преимуществом ни для когнитивного функционирования и личностного развития субъекта, ни для развития общества. Существуют дополнительные условия, определяемые как индивидуальной ситуацией развития, так и общим социокультурным контекстом, принятие во внимание которых может способствовать снижению индивидуальных и социальных рисков двуязычия и многоязычия и стимулировать их позитивное влияние на личность и общество.

Ключевые слова: двуязычие, многоязычие, когнитивные процессы, этнокультурная идентичность, личность, междисциплинарный подход

Background. According to various sources, about half of the world's population speaks two or more languages on different levels. The steady growth of bilingual and multilingual populations through migration and learning of foreign languages, on the one hand, and the real threat of indigenous languages extinction, on the other hand, put the comprehensive study of bilingualism and multilingualism in a number of important social issues and interdisciplinary scientific problems.

Objective. The paper aims to analyze and summarize the results obtained in the research of the bilingualism impact on cognitive processes and individual characteristics in order to identify the possible advantages of bilingualism and the difficulties associated with them.

Results. The phenomenon of Russian national bilingualism and its specific features in some republics of the Russian Federation is considered. A variety of socio-cultural contexts in which bilingualism and multilingualism are studied justifying the need for an interdisciplinary approach to the research issues is presented. The theoretical and analytical review of the research of bilingualism influence on cognitive processes, personal characteristics and relationships with ethno-cultural identity is carried out. The areas in which bilingualism can provide benefits are considered, and the risks associated with the possession of several languages for the individual and for society are analyzed.

The results of the bilingualism influence on cognitive processes and personal characteristics are contradictory and are determined by the attitudes of researchers and some factors and additional variables that are difficult to control due to various methodological problems. The necessity of interdisciplinary interaction in research the impact of multilingualism on various individual and social processes is shown.

Conclusion. Bilingualism and multilingualism are neither an advantage of the cognitive functioning and personal development of the subject, nor for society. There are additional conditions determined both by the individual situation of development and by the socio-cultural context. If taken into account they can help to reduce individual and social risks of bilingualism and multilingualism and stimulate its positive impact on the individual and society.

Keywords: bilingualism, multilingualism, cognitive processes, ethno-cultural identity, personality, interdisciplinary approach

Введение

Трудно переоценить важность всестороннего научного изучения двуязычия¹ и многоязычия и их практическую значимость для современного общества. Существуют разные точки зрения по вопросу использования группой людей одновре-

Наличие нескольких языков на одной территории может рассматриваться как угроза отдельным группам или безопасности общества в целом, являясь потенциальным источником этнолингвистических конфликтов

менно нескольких языков. Так, по мнению известного отечественного лингвиста середины прошлого века Л.В. Щербы, можно «лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие» (Щерба, 1974, С. 317). С другой точки зрения, лингвистическое разнообразие представляет собой требующую решения теоретическую и практическую проблему, а порой даже рассматривается

как препятствие для обеспечения важнейшего условия демократии – разделяемого большинством общественного мнения (Morales-Galvez, 2017). Еще полтора века назад Джон Стюарт Милль, обсуждая вопрос многоязычных обществ, утверждал, что в стране, где люди говорят на различных языках, разделяемого общественно-

го мнения быть не может, потому что их интересуют различные проблемы, они участвуют в различных дебатах, читают различные газеты и т.д. (Mill, 1861). Более того, наличие нескольких языков на одной территории может рассматриваться как угроза отдельным группам или безопасности общества в целом, являясь потенциальным источником этнолингвистических конфликтов.

Общемировых точных оценок распространенности билингвизма не существует, и вряд ли в ближайшее время такие данные будут получены. Но, учитывая, что в большинстве стран мира используется один или несколько государственных языков, и наряду с ними распространены другие языки или диалекты, а также изучаются иностранные языки, среди специалистов утвердилось мнение, что не менее половины жителей планеты можно считать билингвами. Косвенным подтверждением широкого распространения билингвизма является тот факт, что на территории многих стран используются по несколько сотен языков, и при этом большая часть населения страны владеет каким-либо общим языком. Лидером в этом отношении является Папуа–Новая Гвинея, где используется 841 язык (по данным издания «Ethnologue. Languages of the World», www.ethnologue.com) (Simons, Fennig, 2018). Что касается ситуации на Европейском континенте, то, по данным Европейской комиссии, большинство жителей стран Европейского союза (54%) могут общаться, помимо родного, еще хотя бы на одном языке, четвертая часть может говорить на трех языках, а 10%, как минимум, на четырех языках (Special Eurobarometer ..., URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf). Европейской страной, в которой билингвизм наиболее распространен, признан Люксембург, в котором 67% населения владеют двумя или более языками. В США в 2010 году около пятой части населения владели двумя или более языками, что на 140% выше, чем в 1980 году (Shin, Kominski, 2010).

В Российской Федерации, на территории которой проживает около 200 национальностей, на данный момент единственным наиболее полным источником данных о языках является Всероссийская перепись населения 2010 года. По ее данным, 99% россиян владеют русским языком, а всего жители России владеют более, чем 170 языками, большинство из

¹ В данной статье термины «двуязычие» и «билингвизм» используются как синонимы, что соответствует их применению в отечественных научных публикациях, аналогичным образом используются термины «многоязычие» и «мультилингвизм», а также термины «одноязычие» и «монологизм».

Людмила Анатольевна Шайгерова – кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/ShaignerovaLA/>

Роман Сергеевич Шилко – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: shilko_rs@psy.msu.ru
<https://istina.msu.ru/profile/shilko/>

Юрий Петрович Зинченко – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: adm.psy@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/ZinchenkoYP/>

которых (114 языков) распространено менее, чем среди 1% населения. Из языков народов России наиболее распространены татарский (3%), чеченский и башкирский (около 1% населения). При этом нет достоверных данных о том, какая доля населения использует один, два или более языков, и нет каких-либо сведений о том, каков уровень владения двумя или более языками.

Такая неопределенная ситуация, касающаяся доли населения, владеющего более, чем одним языком, характерна не только для России. Например, в Швейцарии за два года количество двуязычного населения неожиданно «выросло» почти в 3 раза. В 2012 г. швейцарское Федеральное управление статистики опубликовало данные переписи, согласно которым 15,8% населения считают себя билингвами. В многоязычной стране, где только национальными признаны пять языков (немецкий, французский, итальянский, романский и йениш), и помимо них используется несколько языков, которые не считаются национальными, а также повсеместно распространен английский язык, эти данные вызвали удивление. Уже через год были предоставлены существенно отличающиеся результаты этого же опроса, сообщающие, что среди проживающих в стране 41,9% билингвов или мультилингвов. Не вдаваясь в детали, отметим, что первое значение было получено в результате подсчета ответов на два вопроса: 1) Какой ваш основной язык, на котором вы думаете и которым вы владеете лучше всего? 2) Если вы думаете на нескольких языках и владеете ими в совершенстве, укажите эти языки. Второе значение было получено в результате дополнительного подсчета ответов еще на два вопроса, выяснявших, используют ли швейцарцы другой язык для регулярного общения с членами семьи или во время работы (Grosjean, 2016), что и объяснило колоссальную разницу между двумя объявленными результатами.

Приведенный пример имеет важное значение не только для статистики, но и для методологии научных исследований. Критерии билингвизма настолько разнообразны, что сопоставление результатов разных исследований, проведенных к тому же в разных социокультурных контекстах, представляет сложную

задачу. Если в основу первоначального подсчета в Швейцарии были положены представления о так называемом чистом билингвизме, то окончательная статистика опиралась на более современные «мягкие» критерии билингвизма, согласно которым билингвом может считаться не тот человек, который думает на двух языках, а тот, который регулярно использует два языка. Современное понимание билингвизма как «практики попеременного пользования двумя языками» во многом получило свое признание, благодаря развитию концепции языковых контактов и выходу в середине прошлого века одноименной работы У. Вайнрайха «Языковые контакты» (Вайнрайх, 1979, С. 22).

Феномен русско-национального двуязычия: региональная специфика

В республиках России, наряду с русским языком, национальные языки являются государственными или официальными, кроме них существует множество других языков, не имеющих официального статуса. Такая этнолингвистическая ситуация предоставляет широкие возможности для всестороннего изучения русско-национального двуязычия. Проблема русско-национального двуязычия и многоязычия стоит достаточно остро. Переход на обучение на русском языке в общеобразовательных учреждениях России в середине прошлого века привел к тому, что родные языки в республиках изучаются в пределах школьного образования, школьное обучение на родных языках является промежуточным, и «в результате этнокультурная школа перестает реализовывать свою системообразующую функцию по социализации подрастающего поколения и формированию этнокультурной идентичности в контексте национально-языковой политики государства» (Богоярков, Бозиев, 2018, С. 9).

На территории нашей страны языковое доминирование русского языка существует с языковым и культурным разнообразием, что приводит к недостаточному развитию не доминирующих языков (Тишков, Степанов, Функ, Артеменко, 2009). В то же время, каждая из республик отличается уникальной си-

туацией этнолингвистического взаимодействия. Так, в Республике Дагестан, на территории которой проживает более 100 народностей, русский язык выполняет особую роль, являясь языком межэтнического общения. В качестве важнейших социоллингвистических проблем в Дагестане выделяется необходимость формирования билингвальной языковой личности в условиях гармоничного взаимодействия русского и национальных языков (Абдуллаев, Рамазанова, 2010). Относительно равная высокая компетентность и в родном, и в русском языках обеспечивает в Дагестане представителям различных этнических групп возможность общения между собой, что способствует усвоению культуры разных этнических общностей (Борисов, 2007).

В Республике Бурятия бурятско-русское двуязычие сыграло положительную роль в формировании общегражданской идентичности и межэтнической интеграции у представителей бурятского этноса. Но при этом под влиянием русскоязычного образования происходит утрата доминирующей роли родного языка у городских жителей (Сультимова, 2005).

В Республике Адыгея также отмечается значительное влияние русского языка на адыгейский – в устной речи адыгейско-русских билингвов отмечается такая особенность, как наличие вкрапленных лексических и фразеологических единиц из русского языка в адыгейский, в котором они еще не могут считаться полноправными заимствованиями (Блягоз, Блягоз, 2014). В Кабардино-Балкарской Республике также отмечается взаимовлияние языков – большая часть билингвов (97%) использует средства основного (доминирующего) языка при осуществлении речевой деятельности на языке, которым владеет хуже, и только 3% билингвов демонстрируют автономное двуязычие – построение речевых высказываний на любом из известных языков только лишь средствами этого языка (Башиева, Дехова, 2015).

Для Республики Северная Осетия – Алания характерна ситуация одностороннего или асимметричного билингвизма – осетины двуязычны, а почти все русские – одноязычны (Таугиева, Цаликова, 2014). Такая ситуация, впрочем, типична для многих республик России.

В современных исследованиях российских немцев показано, что, хотя для них характерен немецко-русский билингвизм, немецкий язык не является доминирующим. Носители немецкого языка отмечают, что используют его только при необходимости (во время поездок в Германию и при общении со старшими членами семьи), а основным языком общения для них выступает русский. Общение на немецком языке со своими детьми указали только 5 % опрошенных (Петренко, Атнагулов, 2014).

Создание оптимальных условий для полноценного русско-национального двуязычия требует междисциплинарного анализа результатов исследований билингвизма и его связи с индивидуальными особенностями и социальными процессами

Для большинства народов России сегодня характерно смещение языковых предпочтений в сторону русского одноязычия, особенно у молодого поколения. Отмечается, что асимметрию в пользу этнического языка, когда большинство людей лучше владеют языком своей национальности, чем русским, можно встретить только у тувинцев и якутов (Богарков, Бозиев, 2018).

Создание оптимальных условий для полноценного русско-национального двуязычия требует междисциплинарного анализа результатов исследований билингвизма и его связи с индивидуальными особенностями и социальными процессами. Несмотря на то, что исследования билингвизма и мультилингвизма сопряжены с нерешенными методологическими проблемами, связанными с определением понятий, поиском подходов и моделей, применением конкретных методов и приемов исследования (Зинченко и др., 2019), осмысление и сопоставление полученных в разных науках и дисциплинах результатов может способствовать разработке оптимальной модели русско-национального двуязычия.

Исследования билингвизма: разнообразие социокультурных контекстов

Исследования в области многоязычия ведутся представителями различных научных областей: филологии,

социолингвистики, этнологии, нейрофизиологии, психиатрии, психолингвистики. В своей замечательной работе «К вопросу о многоязычии в детском возрасте», написанной в 1928 году и впервые опубликованной в 1935 году в книге «Умственное развитие детей в процессе обучения» Л.С. Выготский называл многоязычие в детском возрасте одной из самых сложных проблем психологии, а проблему использования двух языков и обучения двум языкам в условиях, когда «множество народностей переплетено в географиче-

ском, экономическом и социально-культурном отношениях... самой актуальной проблемой практической педагогики и культурной работы в этих областях вообще» (Выготский, 1935, С. 53). К проблеме билингвизма и мультилингвизма сегодня обращаются социальная, педагогическая, когнитивная, кросс-культурная психология, психология личности и другие отрасли психологии. Сегодня отмечается рост исследований и публикаций по теме билингвизма и мультилингвизма представителей разных научных направлений. Возросший интерес к проблематике привел к основанию авторитетными западными научными издательствами множества специализированных журналов, среди которых International Journal of Bilingualism (SAGE Publications); International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, Journal of Multilingual and Multicultural Development, International Journal of Multilingualism, International Multilingual Research Journal (Taylor & Francis Group, Routledge), Bilingualism: Language and Cognition, (Cambridge University Press) Multilingua: Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication (Walter de Gruyter) и др. Постепенно «билингвистика» выделяется в отдельную науку, поскольку феномен двуязычия и многоязычия имеет междисциплинарный характер.

Исследования билингвизма охватывают разнообразные сферы, важнейшей среди которых, в связи с процессами глобализации, признается адаптация и аккультурация мигрантов и временно пре-

бывающих и изучение ими языка (языков) принимающего общества. Наряду с этим, широко распространены исследования в области изучения второго языка как иностранного, главным образом, в детском возрасте. Третьей сферой научного рассмотрения является изучение владения двумя или несколькими государственными, официальными или национальными языками. Подавляющее большинство исследований билингвизма выполнено учеными США и Канады. Учитывая большое количество испаноязычных иммигрантов, прибывших из Мексики и других стран Латинской Америки, на протяжении многих лет в США исследуется, главным образом, испано-английский билингвизм. В последние десятилетия, наряду с англо-испанским билингвизмом, популярным становится исследование изучения английского языка иммигрантами из стран Азии. В Канаде традиционно исследования сконцентрированы на одной из вечных проблем канадского общества – англо-французском билингвизме и роли каждого из языков в различных общественных сферах. В последние годы, особенно во франкоязычной провинции Квебек в центре внимания также находится исследование аспектов, связанных с изучением и предпочтением мигрантами французского или английского языков.

Все три указанные выше сферы: языковая адаптация при миграции, изучение иностранного языка в школе и русско-национальное двуязычие переплетены в российском социокультурном контексте. Кроме того, необходимо учитывать, что в республиках России чаще всего речь идет о многоязычии, а не о двуязычии. Особенно многоязычие характерно для детского возраста, так как школьники изучают как минимум один иностранный язык и, помимо этого, нередко миграции семей из одной республики в другую. В последнем случае в ближайшем окружении ребенок может использовать в дополнение к другим языкам родной язык. Хотя каждое из перечисленных направлений имеет высокую актуальность, особую значимость сегодня приобретает русско-национальное двуязычие.

Разнообразие социокультурных контекстов, в которых исследуется билингвизм, приводит к затруднениям при сопоставительном анализе результа-

тов из-за невозможности учесть все дополнительные факторы. Исследования на больших группах билингов, позволяющие набрать статистически значимые данные, зачастую вынуждены пренебрегать вмешательством дополнительных переменных, тогда как результаты качественных исследований с участием небольшого числа респондентов с максимально уравненными условиями не могут считаться статистически значимыми и валидными.

Исследования влияния двуязычия и многоязычия на когнитивные процессы: традиции и перспективы

Изучение влияния двуязычия и многоязычия на различные когнитивные процессы имеет давнюю историю и находит отражение в современных отечественных и, особенно, в многочисленных западных исследованиях.

Уже к первой трети прошлого столетия было накоплено внушительное количество сведений о влиянии языка на развитие речи и интеллекта, особенно в детском возрасте. Ранние исследования в области билингвизма относились преимущественно к сфере детской и педагогической психологии и были направлены на выявление роли двух или нескольких присутствующих в жизни ребенка языков на развитие его речи (Bovet, 1932; Leopold, 1939–1950; Pavlovitch, 1920). Позднее исследователи сосредоточились на исследованиях влияния билингвизма на уровень и особенно интеллектуального развития и мышления двуязычного ребенка (Peal, Lambert, 1961; Darcy, 1953). Наиболее длительную историю имеет проблема интерференции – взаимного влияния двух или более языков, обусловленного лингвистическим расхождением синтаксических структур. Этот феномен, достаточно давно получивший свое подтверждение, до сих пор остается одним из важнейших аргументов сторонников одноязычного обучения детей.

В настоящее время наиболее популярны исследования, связанные с влиянием двуязычия на исполнительные функции (Bradley, King, Hernandez, 2013), на стратегии обучения (Nair, Biedermann, Nickels, 2016), на процессы и механизмы памяти

(Francis, Baca, 2014) и на изучение новых языков (Bogulski, Bice, Kroll, 2018; Hirosh, Degani, 2018; Dragoy, Virfel, Yurchenko, Bastiaanse, 2019).

В большинстве исследований, сравнивающих когнитивные процессы у билингов и монолингов, используются различные варианты одних и тех же заданий. Наиболее распространены три задачи: задача Саймона (Simon task), фланговая задача Эриксона (flanker task), задача на внимание (Attention Network Task) (подробнее см. Valian, 2015). При этом резуль-

Исследования на больших группах билингов, позволяющие набрать статистически значимые данные, зачастую вынуждены пренебрегать вмешательством дополнительных переменных, тогда как результаты качественных исследований с участием небольшого числа респондентов с максимально уравненными условиями не могут считаться статистически значимыми и валидными

таты варьируют от исследования к исследованию.

Долгое время при объяснении связи количества используемых индивидом языков с когнитивными процессами в целом господствовали три различные тенденции, имевшие своих приверженцев: 1) негативное влияние двуязычия и многоязычия на когнитивные процессы; 2) наличие преимуществ у билингов и мультилингов перед монолингами и 3) отсутствие какой-либо связи между количеством языков и когнитивной успешностью. Десятилетие назад на Международном симпозиуме по билингвизму известный в этой области канадский исследователь Элен Биалисток резюмировала суть накопленных к тому времени неоднозначных результатов в понимании взаимосвязи билингвизма и когнитивных процессов (Bialystok, 2009). Она показала, что при выполнении заданий, направленных на различные когнитивные процессы, в одних случаях преимущества обнаруживаются у двуязычных индивидов, а в других – у одноязычных. По некоторым когнитивным процессам различий между двумя группами выявлено не было. Во многом благодаря этой работе, крайние позиции в отношении позитивного или негативного влияния билингвизма на когнитивные процессы сменились окончательным признанием сложной связи между билингвизмом и познавательной сферой. В последние несколько лет исследователи сосредоточились на поиске тех

особенностей когнитивного функционирования, в которых билингвы имеют преимущество перед монолингами, и тех зон риска, где билингвизм создает препятствия, затрудняя или замедляя выполнение когнитивных задач.

Показано, что преимущества билингов проявляются в лучшем выполнении ими заданий, которые требуют селективного внимания и подавления, исполнительного контроля, а также в решении задач, содержащих конфликтующие стимулы или информацию и задач, требую-

щих мысленного вращения неоднозначных фигур. Все эти задания билингвы выполняют быстрее и с меньшим количеством ошибок, чем дети-монолинги, причем, дети-билингвы способны выполнять их в более раннем возрасте (Bialystok et al., 2008; Bialystok, Shapero, 2005; Costa, Hernandez, Sebastian-Galles, 2008; Zelazo, Frye, Rapus, 1996).

К тем заданиям, в которых билингвы уступают монолингам, относятся задачи на сопоставление, восприятие слов на зашумленном фоне, на беглость речи, скорость извлечения слов из памяти и другие вербальные задачи (Gollan et al., 2008; Kaushanskaya, Marian, 2007; Portocarrero, Burright, Donovan, 2007; Rogers et al., 2006).

Одним из наиболее ярких аргументов «против» билингвизма выступает неоднократно подтвержденное во многих исследованиях, как с участием детей, так и взрослых респондентов, уменьшение словарного запаса в каждом из языков (Bialystok, Feng, 2011; Mahon, Crutchley, 2006; Oller, Eilers, 2002). Данный пример часто приводят те, кто ратует за одноязычное образование. В то же время, сторонники двуязычного образования указывают на уязвимость полученных результатов.

Так, некоторое изменение в методике – переход от измерения словарного запаса отдельно на каждом языке к измерению общего словарного запаса (с учетом

всех слов из двух языков) демонстрирует неоспоримые преимущества билингвов уже в раннем детстве. Более того, исследования, проведенные с участием детей, получающих образование в среде, активно поддерживающей многоязычие (например, в двуязычных школах в Уэльсе), выявили, что к уже 10-летнему возрасту двуязычные дети могут иметь равный словарный запас того же объема, что и их одноязычные сверстники, на каждом из языков (Gathercole, Thomas, 2009).

Новые технологии такие, как технология виртуальной реальности, метод регистрации движения глаз, функциональная магнитно-резонансная томография позволяют уточнять и расширять полученные ранее знания о влиянии многоязычия на когнитивные процессы и на особенности функционирования головного мозга, благодаря чему уже не подвергается сомнению влияние билингвизма на мозг

К важнейшим преимуществам билингвизма относят замедление с возрастом дегенеративных процессов у людей, владеющих двумя или более языками (Valenzuela, Sachdev, 2006). В исследовании с участием 184 пожилых людей, уже имевших диагноз «деменция» и наблюдавшихся в клинике для пациентов с проблемами памяти, была выявлена разница в возрасте, в котором впервые проявились симптомы деменции, в среднем в 4 года между билингвами (75,5 лет) и монолингвами (71,4 года) (Bialystok, 2009). Данный факт, учитывая увеличение продолжительности жизни, старение популяции мира и неуклонный рост дегенеративных заболеваний, может стать важным доводом в пользу поддержки распространения билингвизма и мультилингвизма в обществе и стимулом для индивида к изучению двух или нескольких языков.

Некоторые авторы по-прежнему ставят под сомнение какую-либо взаимосвязь между билингвизмом и отдельными когнитивными процессами и когнитивным функционированием в целом (de Bot, 2017; Folke et al., 2016; Lehtonen et al., 2018; Raap, Greenberg, 2013). В результате метаанализа 152 исследований и 891 сравнения успешности исполнительных функций билингвов и монолингвов в шести различных областях Летонен с соавторами пришли к выводу, что убедительных доказательств когнитивных преимуществ билингвов перед монолингвами во взрослом возрасте нет (Lehtonen et al., 2018).

Одновременно с этим новые технологии такие, как технология виртуальной реальности, метод регистрации движения глаз, функциональная магнитно-резонансная томография позволяют уточнять и расширять полученные ранее знания о влиянии многоязычия на когнитивные процессы и на особенности функционирования головного мозга, благодаря чему уже не подвергается сомнению влияние билингвизма на мозг. Показано, что для мозга билингвов характерна повышен-

ная плотность серого вещества в нижней теменной коре, особенно для мозга ранних билингвов и билингвов с высоким уровнем компетентности во втором языке (Mechelli et al., 2004). Изучение второго языка и во взрослом возрасте способно изменить нейронные связи и даже нейроанатомию (Li, Legault, Litcofsky, 2014).

Владение языками и личность: есть ли взаимосвязь?

Помимо изучения влияния билингвизма и мультилингвизма на когнитивные процессы, поднимается вопрос о взаимосвязи владения двумя или несколькими языками и личностными особенностями. Большинство исследователей разделяют точку зрения автора гипотезы лингвистической относительности Бенжамина Уорфа о том, что «язык, на котором человек говорит, определяет его видение и концептуализацию мира» (Whorf, 1940, P. 229). Дополнением этого может служить образное выражение британского психотерапевта, на протяжении нескольких десятилетий работающей с билингвами, Фелисити де Зулуэты: «Язык для культуры означает то же, что ДНК для генетики» (de Zulueta, 1995, P. 188).

Более полувека назад один из основоположников систематического изучения и концептуализации билингвизма Уильям Макей подчеркивал значимость билингвизма для личности, определяя би-

лингвизм не как языковой феномен, а как особенность использования языка. Таким образом, если язык разделяется группой, то билингвизм является, прежде всего, достоянием индивида (Maskey, 1956). Основная идея ученого заключается в том, что группе билингвов имеет смысл оставаться таковой только в том случае, если, наряду с ней, существует группа монолингвов, иначе необходимость во втором языке для нее отпадает. Но для отдельного субъекта решение о том, быть билингвом или монолингвом, определяется его индивидуальной ситуацией. Именно поэтому изучение билингвизма как индивидуального феномена непременно должно находиться не только в сфере лингвистики, психолингвистики и социальной психологии, но и в поле зрения психологии личности.

Л.С. Выготский подчеркивал: «Есть все фактические и теоретические основания утверждать, что не только интеллектуальное развитие ребенка, но и формирование его характера, эмоций и личности в целом находится в непосредственной зависимости от речи и, следовательно, должно обнаружить в той или иной форме или степени связь с двуязычием или одноязычием в его речевом развитии ... двуязычие должно быть исследовано во всей широте и во всей глубине его влияния на все психическое развитие личности ребенка, взятой в целом. Только такой подход к проблеме двуязычия оправдывается современным состоянием теории этого вопроса» (Выготский, 1935, С. 69).

Прогностическая ценность идей Л.С. Выготского и А.Р. Лурия была отмечена в исследовании развития саморегуляции при воспитании детей в условиях моно- и билингвизма, проведенном с использованием процедур, созданных А.Р. Лурия и модифицированных Б. Бейном. Ими было показано, что, «независимо от монолингвистического или билингвистического контекстов, культурных особенностей, существующих в Европе, Северной Америке или Азии, овладение детьми четырьмя функциями языка, проявляющимися в познавательной саморегуляции, происходило в описанном этими авторами порядке» (Бейн, Панарин, 1994, С. 80). Если в сфере влияния многоязычия на когнитивные процессы достигнуты существенные результаты и отмечается определенное согласие исследователей, работающих над

их систематизацией, то в исследованиях влияния двуязычия на поведение и на личность значительно больше пробелов и методологических проблем на всех уровнях – от теоретического до конкретно-методического. Ф. Грожан основную проблему видит в недостатке междисциплинарного взаимодействия – билингвизм и влияние культуры на личность изучаются разными науками, между которыми отсутствует взаимодействие, а также в острой нехватке компетентных специалистов, способных проводить исследования на стыке областей. Если билингвизм и мультилингвизм изучаются, главным образом, лингвистами, социолингвистами и когнитивными психологами, изучение взаимосвязи культуры и личности относится к сфере интересов кросс-культурной психологии, социальной психологии и психологии личности (Grosjean, 2015).

Еще одна из проблем связана с тем, что, по сравнению с изучением когнитивных особенностей, влияние языковой ситуации на личность гораздо сложнее «очистить» от других факторов и условий таких, как социокультурные особенности, в которых субъект развивался и формировался как личность, и его жизненный опыт.

Можно считать, что первые сведения о влиянии билингвизма на идентичность были описаны в результате анализа психотерапевтических процессов. Рассматривая взаимосвязь билингвизма, культуры и идентичности, Ф. де Зулуета приводит в пример известный случай, представленный З. Фрейдом и Ж. Брейером, лечившими пациентку Анну О., внезапно «забывшую» родной немецкий язык и в течение двух лет, до окончания лечения пользовавшуюся другими языками, которыми она владела: английским, французским или итальянским (de Zulueta, 1995). Подобные случаи неосознанной «билингвальной защиты», равно как и осознанный отказ от использования одного языка в связи с ассоциированной с ним психической травмой в пользу второго были позднее неоднократно описаны в психотерапевтической и медицинской литературе, а также в биографических и автобиографических эссе.

В недавних исследованиях начали выделяться отдельные направления, касающиеся личностных особенностей и эмоционально-мотивационной сферы

билингвов, а также изучения этнокультурной идентичности у билингвов.

В том, что касается личностных особенностей, было, в частности, показано, что билингвы демонстрируют большую готовность к принятию разнообразия, применению различных мнений и разрешению противоречий (Brannen, Thomas, 2010).

В недавних исследованиях начали выделяться отдельные направления, касающиеся личностных особенностей и эмоционально-мотивационной сферы билингвов, а также изучения этнокультурной идентичности у билингвов

В ряде исследований отмечается, что билингвы характеризуются большей толерантностью к неопределенности, когнитивной и культурной эмпатией, а также низкой предубежденностью. Необходимо отметить, что результаты, полученные на разных выборках с использованием одних и тех же методов, отличаются противоречивостью. Так, в исследовании, проведенном с участием лондонских школьников, где группа билингвов была набрана из числа детей, родившихся за пределами Великобритании, была выявлена меньшая предубежденность, большая культурная эмпатия и значимо сниженная эмоциональная стабильность у двуязычных детей-иммигрантов, по сравнению с англоязычными монолингвами из Лондона (Dewaele, van Oudenhoven, 2009). В то же время, в исследовании голландской мультинациональной компании, у сотрудников, которые знали несколько языков, наряду с низким уровнем предубежденности, была выявлена и более высокая, по сравнению с одноязычными сотрудниками, эмоциональная стабильность (Korzilius et al., 2011).

В исследовании с участием 205 арабо-английских билингвов из Саудовской Аравии и 333 англоязычных монолингвов из США, Великобритании, Канады и Австралии изучалась взаимосвязь между эмоциональным интеллектом, знанием языков и восприятием эмоций. Было показано, что значение по шкале «эмоциональный интеллект» у билингвов значимо выше, чем у монолингвов, по трем из четырех его индикаторов: благополучие, эмоциональность и общительность. Авторы объясняют полученные различия тем, что билингвы владеют большим количеством понятий, связанных с эмоци-

ями, благодаря знанию двух языков, что позволяет им лучше различать эмоции (Alqarni, Dewaele, 2018). Наряду с этим, в недавнем масштабном исследовании с участием 1278 респондентов, в котором эмоциональный интеллект также, как и в предыдущем исследовании, измерялся посредством опросника TEIQue

(Trait Emotional Intelligence Questionnaire) (Petrides, Furnham, 2003), значимой связи между ним и знанием нескольких языков обнаружено не было (Dewaele, 2019). Культура и этническая принадлежность в описанных исследованиях не могут быть «отделены» от владения одним или двумя языками. Учитывая, что в исследованиях сравниваются результаты, полученные представителями разных культур, мигрантами из других стран, работниками международных корпораций, с результатами местных жителей англоязычных стран, вызывает сомнение влияние на эмоциональный интеллект и другие личностные особенности только лишь параметра «билингвизм» – «монолингвизм». Различный жизненный опыт, принадлежность к разным культурам, несомненно, оказывают не меньшее влияние на личность в целом и эмоциональный интеллект, в частности, чем владение одним или несколькими языками.

В поисках объяснения влияния двуязычия на этнокультурную идентичность несколько лет назад возникло и продолжает развиваться и уточняться понятие «бикультурные индивиды». Данное понятие предложили независимо друг от друга швейцарский исследователь билингвизма Франсуа Грожан (Grosjean, 2015) и испано-американский психолог Вероника Бенет-Мартинез с коллегами (Benet-Martínez et al., 2002). В их моделях рассматриваются несколько вариантов связи между билингвизмом и культурой. Авторы предлагают типологии, в которых выделяют монокультурных билингвов (индивидов, говорящих на двух языках, но идентифицирующих себя только с одной культурой) и бикультурных билингвов (индивидов, говорящих на двух язы-

Одна из причин того, что после более чем столетней истории изучения двуязычия так и нет достаточной определенности в том, приносит оно больше пользы или вреда индивиду и обществу, связана с тем, что «отделить» условие билингвизма от сопровождающих его факторов – достаточно сложная задача

ках и идентифицирующих себя с двумя культурами) (Зинченко и др., 2019). Бенет-Мартинез на основе этой типологии разработала методiku, направленную на измерение степени, в которой билингвы способны интегрировать две культуры (Benet-Martínez, Naritatos, 2005). Как нами уже подчеркивалось ранее, такой подход, несмотря на несомненные заслуги авторов в поисках объяснения взаимосвязи этнокультурной идентичности и билингвизма, можно считать механистическим и редукционистским, схематизирующим сложную реальность современных поликультурных обществ и упрощающим понятие этнокультурной идентичности. С позиций системного подхода и постнеклассической методологии мы предлагаем рассматривать этнокультурную идентичность как сложную иерархически организованную «саморазвивающуюся в процессе взаимодействия с другими людьми и группами систему, формирование и развитие которой опосредовано социокультурными условиями» (Российская идентичность ..., 2017). С таких позиций этнокультурная идентичность двуязычного или многоязычного индивида не проявляется в принадлежности к одной, двум или нескольким культурам, а определяет-

личные процессы разделились еще на первых этапах исследования в этой области. В замечательной работе французского исследователя Жюль Ронжа, написанной в начале прошлого века (Ronjat, 1913), которую анализирует Л.С. Выготский, приводится личный опыт воспитания автором собственного ребенка-билингва и многолетних наблюдений за развитием его речи. Эксперимент служит важным примером того, как создание и соблюдение специальных условий (в данном случае мать-немка всегда разговаривала с сыном на немецком, а отец-француз – на французском) может привести к успешному параллельному овладению ребенком двумя языковыми системами, как их фонетикой, так и грамматическими и стилистическими формами без всякого ущерба речевому и интеллектуальному развитию. Необходимо отметить, что в свое время в теории обучения господствовало мнение о вреде многоязычия для детского развития, которое, например, по мнению Эпштейна (1916), «является злом в отношении речевого развития ребенка, но еще большим злом в отношении развития его мышления. Этот фактор, тормозящий умственное развитие ребенка, приводит к смешению

Без создания социальных условий и поощрения формирования индивидуальной мотивации многоязычие само по себе не гарантирует ни ожидаемую пользу для общества, ни преимущества для индивидуального когнитивного функционирования и развития личности

ся сложным взаимовлиянием множества элементов: этнической и гражданской принадлежности, культурными, субкультурными, религиозными и другими аспектами (Shaigerova, Zinchenko, 2016).

Преимущества и риски двуязычия и многоязычия: влияние дополнительных условий и переменных

Мнения о положительном или отрицательном влиянии билингвизма на раз-

нию понятий, к спутанности сцеплений и соединений мыслей, к замедлению и затруднению умственного процесса в целом» (Выготский, 1935, С. 60).

Одна из причин того, что после более чем столетней истории изучения двуязычия так и нет достаточной определенности в том, приносит оно больше пользы или вреда индивиду и обществу, связана с тем, что «отделить» условие билингвизма от сопровождающих его факторов – достаточно сложная задача. Подавляющее большинство современных исследований проведено с участием либо тех

билингвов, которые владеют на хорошем уровне иностранным языком, либо билингвов, «унаследовавших» разные языки, благодаря двуязычному окружению, которое с большой вероятностью было мультикультурным, либо иммигрантов. Помимо билингвизма, данные категории респондентов имеют существенные отличия от монолингвов, связанные не только со знанием и использованием второго языка. Это может быть более высокий уровень образования и более длительный процесс обучения, более разнообразная окружающая среда и более стимулирующая социальная ситуация развития, более разнообразный, особенный, а в некоторых случаях экстремальный жизненный опыт, связанный с решением сложных ситуаций, способствующим развитию толерантности к неопределенности, эмоционального интеллекта, гибкости, принятия разнообразия и других качеств. Все они могли оказать, наряду с билингвизмом, влияние на результаты исследований.

По мнению известного отечественного психолингвиста А.А. Леонтьева, билингвизм предоставляет личности несомненные преимущества, расширяя ее возможности, предоставляя ей выбор, так как быть билингвом означает – «уметь осуществлять речевую деятельность, ... пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и тому подобного языковыми средствами не одного, а двух языков, имея более или менее свободный выбор языка для общения» (Леонтьев А.А., 2005, С. 225). Взгляд ученого, несомненно, отражает гуманистические позиции автора и способствует повышению привлекательности многоязычия как для общества в целом, так и для отдельной личности. В то же время феномен билингвизма и мультилингвизма в современной социокультурной ситуации представляет собой определенный вызов обществу, системе образования и науке (Шайгерова и др., 2018). Без создания социальных условий и поощрения формирования индивидуальной мотивации многоязычие само по себе не гарантирует ни ожидаемую пользу для общества, ни преимущества для индивидуального когнитивного функционирования и развития личности.

Выводы

1. Большинство современных исследований содержат данные о том, что знание двух или нескольких языков предоставляет ряд преимуществ для когнитивного функционирования во взрослом и старческом возрасте. В то же время, показано, что двуязычие и многоязычие не является беспспорным преимуществом, и существуют когнитивные процессы, в которых билингвы уступают монолингвам и для которых билингвизм может выступать фактором риска.
2. Исследования взаимосвязи билингвизма и личности все еще малочисленны и разрознены. Выявленные в некоторых исследованиях характерные для билингвов черты такие, как более высокая толерантность к неопределенности, низкая предубежденность, гибкость, более высокий эмоциональный интеллект сложно отделить от влияния других факторов, в частности, различного жизненного и культурного опыта респондентов, владеющих одним языком или несколькими языками.
3. Разработанная недавно модель бикультурной идентичности, характерной для определенной части билингвов, хотя и основана на многочисленных ценных исследованиях и рефлексии известных западных ученых в области билингвизма, отличается редукционизмом и не отражает системный характер этнокультурной идентичности личности, не сводимой к простому суммированию разных культурных идентичностей.
4. Сами по себе билингвизм и мультилингвизм не предоставляют преимуществ ни когнитивному и личностному развитию индивида, ни обществу. На индивидуальном уровне билингвам и мультилингвам приходится преодолевать целый ряд затруднений в когнитивном функционировании и личностном развитии, с которыми не сталкиваются монолингвы. Для общества наличие в нем большого числа двуязычного и многоязычного населения также несет в себе некоторые проблемы, так как может создать почву для возникновения этнолингвистических конфликтов.
5. Существуют дополнительные факторы и условия, определяемые как индивидуальной ситуацией развития, так и общим социокультурным контекстом, учет и контролирование которых могут способствовать снижению индивидуальных и социальных рисков двуязычия и многоязычия и стимулировать его позитивное влияние на личность и общество. На всех уровнях обучения – от дошкольного воспитания до высшего образования в многоязычном обществе образовательный процесс необходимо сопровождать квалифицированной научно обоснованной системой методической поддержки, способствующей тому, чтобы двуязычие и многоязычие становились достоянием индивидов и общества, а не источником индивидуальных и социальных проблем.

*Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-29-09167.
The research is done with the support of the Russian Fund of Fundamental Research, Project #17-29-09167.*

Литература:

- Абдуллаев А.А., Рамазанова Д.А. Дагестанско-русское двуязычие как социальное и лингвистическое явление // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 5. – С. 71–72.
- Башиева С.К., Дохова З.Р. Билингвизм и полилингвизм как объединяющие начала различных социокультурных сообществ Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 266–272.
- Бейн Б., Панарин И.А. Билингвистическое воспитание детей (Вновь обращаясь к Л. Выготскому и А. Лурия) // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 68–81.
- Блягоз З.У., Блягоз А.Н. Истоки адыгейско-русского двуязычия // Наука: комплексные проблемы. – 2014. – № 2(3). – С. 41–45.
- Боргояков С.А., Бозиев Р.С. Языковое образование и национально-языковая политика России // Педагогика. – 2018. – № 11. – С. 3–16.
- Борисов Р.В. Языковая компетентность как средство выражения этнической идентичности и формирования межэтнической толерантности учащейся молодежи : дис. ... кандидата психологических наук. – Махачкала, 2007. – 173 с.
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и комментарии Ю.А. Жлуктенко. – Киев : Вища школа, 1979.
- Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. – Москва; Ленинград : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935. – С. 53–72.
- Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Савельева О.А. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2019. – № 1. – С. 174–194.
- Леонтьев А.А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – Москва : КомКнига, 2005. – 230 с.
- Петренко О.В., Атнагулов И.Р. Влияние русской культуры на язык российских немцев, проживающих на территории Челябинской области (к проекту создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала») // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3(45). – С. 232–235.
- Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность : научная монография / под ред. Ю.П. Зинченко. – Москва : Издательство Московского университета, 2017. – 520 с.
- Сультимова Ж.Б. Двуязычие как базовое основание межкультурной коммуникации (на материалах Республики Бурятия) : дис ... кандидата культурологии. – Улан-Удэ, 2005.
- Таутиева И.Х., Цаликова М.А. Языковое строительство и проблемы билингвизма в Республике Северная Осетия – Алания // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 582–587.

- Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации : экспертный доклад. – Москва, 2009.
- Шайгерова Л.А., Зинченко Ю.П., Шилко Р.С., Раевский А.Е. Феномен билингвизма и мультилингвизма как вызов образованию в современной социокультурной ситуации // *Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili* : материалы международной научно-практической конференции 17–18 декабря 2018 г. – Москва : Смысл, 2018. – С. 48–50.
- Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 313–318.
- Alqarni N. & Dewaele J.-M. (2018). A bilingual emotional advantage? An investigation into the effects of psychological factors in emotion perception in Arabic and in English of Arabic-English bilinguals and Arabic/English monolinguals. *International Journal of Bilingualism*, 1–18. doi:10.1177/1367006918813597.
- Benet-Martínez V. & Haritatos J. (2005). Bicultural Identity Integration (BII): Components and socio-personality antecedents. *Journal of Personality*, 73, 1015–1049. doi:10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x
- Benet-Martínez V., Lee J., Lee F. & Morris M.W. (2002). Negotiating biculturalism: cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33(5), 492–516. doi:10.1177/0022022102033005005
- Bialystok E. & Feng X. (2011). Language proficiency and its implications for monolingual and bilingual children. *Language and Literacy Development in Bilingual Settings*, 121–138.
- Bialystok E. & Shapero D. (2005). Ambiguous benefits: The effect of bilingualism on reversing ambiguous figures. *Developmental Science*, 8, 595–604. doi:10.1111/j.1467-7687.2005.00451.x
- Bialystok E. (2009). Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12(1), 3–11. doi:10.1017/S1366728908003477
- Bialystok E., Craik F.I.M. & Luk G. (2008). Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 34, 859–873. doi:10.1037/0278-7393.34.4.859
- Bogulski C.A., Bice K. & Kroll J. (2018). Bilingualism as a desirable difficulty: Advantages in word learning depend on regulation of the dominant language. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1–16. doi:10.1017/S1366728918000858.
- Bovet P. (1932). *Bilinguisme et éducation*. Genève.
- Bradley K.A.L., King K.E. & Hernandez A.E. (2013). Language experience differentiates prefrontal and subcortical activation of the cognitive control network in novel word learning. *NeuroImage*, 67, 101–110. doi: 10.1016/j.neuroimage.2012.11.018
- Brannen M.Y. & Thomas D.C. (2010). Bicultural Individuals in Organizations: Implications and Opportunity. *International Journal of Cross-Cultural Management*, 10 (1), 5–16. doi: 10.1177/1470595809359580
- Costa A., Hernandez M. & Sebastian-Galles N. (2008). Bilingualism aids conflict resolution: Evidence from the ANT task. *Cognition*, 106, 59–86. doi: 10.1016/j.cognition.2006.12.013
- Darcy N.T. (1953). A Review of the Literature on the Effects of Bilingualism upon the Measurement of Intelligence. *Journal of Genetic Psychology*, 82, 21–57.
- De Bot K. (2017). The future of the bilingual advantage. S. Pfenninger, J. Navracscs (Eds.). *Future research directions for applied linguistics*. Bristol: Multilingual Matters, 15–32.
- De Zulueta F. (1995). Bilingualism, Culture and Identity. *Group Analysis*, 28(2), 179–190. doi: 10.1177/0533316495282007
- Dewaele J.-M. & van Oudenhoven J. P. (2009). The effect of multilingualism/multiculturalism on personality: No gain without pain for third culture kids? *International Journal of Multilingualism*, 6(4), 443–459. doi: 10.1080/14790710903039906
- Dewaele J.-M. (2019). Multilingualism and trait emotional intelligence: an exploratory investigation. *International Journal of Multilingualism*. doi: 10.1080/14790718.2019.1571065.
- Dragoy O., Virfel O., Yurchenko A. & Bastiaanse R. (2019). Aspect and tense attrition in Russian-German bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 23(1), 275–295. doi: 10.1177/1367006917728388
- Folke T., Ouzia J., Bright P., De Martino B. & Filippi R. (2016). A bilingual disadvantage in metacognitive processing. *Cognition*, 150, 119–132. doi: 10.1016/j.cognition.2016.02.008
- Francis W.S. & Baca Y. (2014). Effects of language dominance on item and order memory in free recall, serial recall and order reconstruction. *Memory*, 22, 1060–1069. doi: 10.1080/09658211.2013.866253
- Gathercole V. & Thomas E. (2009). Bilingual first-language development: Dominant language takeover, threatened minority language take-up. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12, 213–237. doi: 10.1017/S1366728909004015
- Gollan T.H., Montoya R. I., Cera C. & Sandoval T.C. (2008). More use almost always means a smaller frequency effect Aging, bilingualism, and the weaker links hypothesis. *Journal of Memory and Language*, 58, 787–814. doi: 10.1016/j.jml.2007.07.001
- Grosjean F. (2015). Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 19(5), 572–586. doi: 10.1177/1367006914526297
- Grosjean F. (1er décembre 2016). La Suisse peine à compter ses bilingues. Retrieved from: <https://www.letemps.ch/opinions/2016/11/30/suisse-peine-compter-bilingues> (accessed: 1501.2019).
- Hirosh Z., & Degani T. (2018). Direct and indirect effects of multilingualism on novel language learning: An integrative review. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25(3), 892–916. doi:10.3758/s13423-017-1315-7
- Kaushanskaya M. & Marian V. (2007). Bilingual language processing and interference in bilinguals: Evidence from eye tracking and picture naming. *Language Learning*, 57, 119–163. doi: 10.1111/j.1467-9922.2007.00401.x
- Korzilius H., Van Hooft A., Planken B. & Hendrix C. (2011). Birds of different feathers? The relationship between multicultural personality dimensions and foreign language mastery in business professionals working in a Dutch agricultural multinational. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 540–553. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.018

- Lehtonen M., Soveri A., Laine A., Järvenpää J., de Bruin A. & Antfolk J. (2018). Is bilingualism associated with enhanced executive functioning in adults? A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 144(4), 394–425. doi: 10.1037/bul0000142
- Leopold Werner F. Speech Development of a Bilingual Child. 4 Volumes. *Evanston and Chicago*, 1939–1950.
- Li P., Legault J. & Litcofsky K.A. (2014). Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain. *Cortex*, 58, 301–324. doi: 10.1016/j.cortex.2014.05.001
- Mackey W.F. (1956). Toward a Redefinition of Bilingualism. *Canadian Journal of Linguistics*, 2(R), 4–11.
- Mahon M. & Crutchley A. (2006). Performance of typically-developing school-age children with English as an additional language (EAL) on the British Picture Vocabulary Scales II (BPVS II). *Child Language Teaching and Therapy*, 22, 333–353. doi: 10.1191/0265659006ct311xx
- Mechelli A., Crinon J.T., Noppeney U., O'Doherty J., Ashburner J., Frackowiak R.S., & Price C.J. (2004). Structural plasticity in the bilingual brain. *Nature*, 431, 757. doi: 10.1038/431757a
- Mill J.S. (1861). Utilitarianism. *Fraser's Magazine*.
- Morales-Galvez S. (2017). Living together as equals: Linguistic justice and sharing the public sphere in multilingual settings. *Ethnicities*, 17(5), 646–666. doi: 10.1177/1468796816667143
- Nair V.K., Biedermann B. & Nickels L. (2016). Consequences of late bilingualism for novel word learning: Evidence from Tamil–English bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 20, 473–487. doi: 10.1177/1367006914567005
- Oller D.K. & Eilers R.E. (Eds.) (2002). *Language and literacy in bilingual children*. Clevedon: Multilingual Matters. doi: 10.21832/9781853595721
- Paap K.R. & Greenberg Z.I. (2013). There is no coherent evidence for a bilingual advantage in executive processing. *Cognitive Psychology*, 66(2), 232–258. doi: 10.1016/j.cogpsych.2012.12.002
- Pavlovitch M. (1920). *Le langage enfantin: l'acquisition du serbe et du français par un enfant serbe*. Paris.
- Peal E. & Lambert W.E. (1961). *The Relation of Bilingualism to Intelligence*. Multigraphed ed. Montreal: McGill University.
- Petrides K.V. & Furnham A. (2003). Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction. *European Journal of Personality*, 17, 39–57. doi:10.1002/per.466
- Portocarrero J.S., Burrell R.G. & Donovan P.J. (2007). Vocabulary and verbal fluency of bilingual and monolingual college students. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 22, 415–422. doi: 10.1016/j.acn.2007.01.015
- Rogers C.L., Lister J.J., Febo D.M., Besing J.M. & Abrams H.B. (2006). Effects of bilingualism, noise, and reverberation on speech perception by listeners with normal hearing. *Applied Psycholinguistics*, 27, 465–485. doi: 10.1017/S014271640606036X
- Ronjat Jules. (1913). *Le développement du langage observé chez un enfant bilingue*. Paris.
- Shaigerova L. & Zinchenko Y. (2016). Ethnocultural identity in the modern Russian society: impact of the region. *International Journal of Psychology*, 51, Supplement S1, 437–437.
- Shin H.B. & Kominski R.A. (2010). *Language use in the United States: 2007*. Washington, DC: U.S. Department of Commerce Economics and Statistics Administration, U.S. Census Bureau.
- Simons G.F. & Fennig C.D. (eds.). (2018). *Ethnologue: Languages of the World, Twenty-first edition*. Dallas, Texas: SIL International, Retrieved from: <http://www.ethnologue.com> (accessed: 01.02.2019).
- (2012). Special Eurobarometer 386 – Europeans and their languages, 145. Retrieved from: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 01.02.2019).
- Valenzuela M.J. & Sachdev P. (2006). Brain reserve and dementia: A systematic review. *Psychological Medicine*, 36, 441–454. doi: 10.1017/S0033291705006264
- Valian V. (2015). Bilingualism and cognition. *Bilingualism: Language and Cognition*, 18(1), 3–24. doi:10.1017/S1366728914000522.
- Whorf B.L. (1940). Science and linguistic. *Technology Review*, 42(6), 229–231.
- Zelazo P.D., Frye D. & Rapus T. (1996). An age-related dissociation between knowing rules and using them. *Cognitive Development*, 11, 37–63. doi: 10.1016/S0885-2014(96)90027-1

References:

- Abdullaev A.A. & Ramazanova D.A. (2010). Dagestan-Russian bilingualism as a social and linguistic phenomenon [Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya], 5, 71–72.
- Alqarni N. & Dewaele J.-M. (2018). A bilingual emotional advantage? An investigation into the effects of psychological factors in emotion perception in Arabic and in English of Arabic-English bilinguals and Arabic/English monolinguals. *International Journal of Bilingualism*, 1–18. doi:10.1177/1367006918813597.
- Baine B. & Panarin I.A. (1994). Bilingual education of children (recalling L. Vygotsky and A. Luria). [Voprosy psikhologii], 3, 68–81.
- Bashieva S.K. & Dokhova Z.R. (2015). Bilingualism and polylingualism as uniting the beginnings of various sociocultural communities of the North Caucasus (the case of the Kabardino-Balkarian Republic). [Vestnik RUDN]. Series Educational Issues: languages and specialty, 5, 266–272.
- Benet-Martínez V. & Haritatos J. (2005). Bicultural Identity Integration (BII): Components and socio-personality antecedents. *Journal of Personality*, 73, 1015–1049. doi:10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x
- Benet-Martínez V., Leu J., Lee F. & Morris M.W. (2002). Negotiating biculturalism: cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33(5), 492–516. doi:10.1177/0022022102033005005
- Bialystok E. & Feng X. (2011). Language proficiency and its implications for monolingual and bilingual children. *Language and Literacy Development in Bilingual Settings*, 121–138.

- Bialystok E. & Shapero D. (2005). Ambiguous benefits: The effect of bilingualism on reversing ambiguous figures. *Developmental Science*, 8, 595–604. doi:10.1111/j.1467-7687.2005.00451.x
- Bialystok E. (2009). Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12(1), 3–11. doi:10.1017/S1366728908003477
- Bialystok E., Craik F.I.M. & Luk G. (2008). Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 34, 859–873. doi:10.1037/0278-7393.34.4.859
- Blyagov Z.U. & Blyagov A.N. (2014). The origins of the Adyge-Russian bilingualism. [*Nauka: kompleksnye problemy*], 2 (3), 41–45.
- Bogulski C.A., Bice K. & Kroll J. (2018). Bilingualism as a desirable difficulty: Advantages in word learning depend on regulation of the dominant language. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1–16. doi:10.1017/S1366728918000858.
- Borgoyakov S.A. & Boziev R.S. (2018). Language education and national language policy of Russia. [*Pedagogika*], 11, 3–16.
- Borisov R.V. (2007). Language competence as a means of expressing ethnic identity and the formation of inter-ethnic tolerance among students: Ph.D. in Psychology thesis. Makhachkala, 173.
- Bovet P. (1932). Bilinguisme et éducation. Genève.
- Bradley K.A.L., King K.E. & Hernandez A.E. (2013). Language experience differentiates prefrontal and subcortical activation of the cognitive control network in novel word learning. *NeuroImage*, 67, 101–110. doi: 10.1016/j.neuroimage.2012.11.018
- Brannen M.Y. & Thomas D.C. (2010). Bicultural Individuals in Organizations: Implications and Opportunity. *International Journal of Cross-Cultural Management*, 10 (1), 5–16. doi: 10.1177/1470595809359580
- Costa A., Hernandez M. & Sebastian-Galles N. (2008). Bilingualism aids conflict resolution: Evidence from the ANT task. *Cognition*, 106, 59–86. doi: 10.1016/j.cognition.2006.12.013
- Darcy N.T. (1953). A Review of the Literature on the Effects of Bilingualism upon the Measurement of Intelligence. *Journal of Genetic Psychology*, 82, 21–57.
- De Bot K. (2017). The future of the bilingual advantage. S. Pfenninger, J. Navracics (Eds.). Future research directions for applied linguistics. Bristol: Multilingual Matters, 15–32.
- De Zulueta F. (1995). Bilingualism, Culture and Identity. *Group Analysis*, 28(2), 179–190. doi: 10.1177/0533316495282007
- Dewaele J.-M. & van Oudenhoven J. P. (2009). The effect of multilingualism/multiculturalism on personality: No gain without pain for third culture kids? *International Journal of Multilingualism*, 6(4), 443–459. doi: 10.1080/14790710903039906
- Dewaele J.-M. (2019). Multilingualism and trait emotional intelligence: an exploratory investigation. *International Journal of Multilingualism*. doi: 10.1080/14790718.2019.1571065.
- Dragoy O., Virfel O., Yurchenko A. & Bastiaanse R. (2019). Aspect and tense attrition in Russian-German bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 23(1), 275–295. doi: 10.1177/1367006917728388
- Folke T., Ouzia J., Bright P., De Martino B. & Filippi R. (2016). A bilingual disadvantage in metacognitive processing. *Cognition*, 150, 119–132. doi: 10.1016/j.cognition.2016.02.008
- Francis W.S. & Baca Y. (2014). Effects of language dominance on item and order memory in free recall, serial recall and order reconstruction. *Memory*, 22, 1060–1069. doi: 10.1080/09658211.2013.866253
- Gathercole V. & Thomas E. (2009). Bilingual first-language development: Dominant language takeover, threatened minority language take-up. *Bilingualism: Language and Cognition*, 12, 213–237. doi: 10.1017/S1366728909004015
- Gollan T.H., Montoya R. I., Cera C. & Sandoval T.C. (2008). More use almost always means a smaller frequency effect Aging, bilingualism, and the weaker links hypothesis. *Journal of Memory and Language*, 58, 787–814. doi: 10.1016/j.jml.2007.07.001
- Grosjean F. (2015). Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 19(5), 572–586. doi: 10.1177/1367006914526297
- Grosjean F. (1er décembre 2016). La Suisse peine à compter ses bilingues. Retrieved from: <https://www.letemps.ch/opinions/2016/11/30/suisse-peine-compter-bilingues> (accessed: 1501.2019).
- Hirosh Z., & Degani T. (2018). Direct and indirect effects of multilingualism on novel language learning: An integrative review. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25(3), 892–916. doi:10.3758/s13423-017-1315-7
- Kaushanskaya M. & Marian V. (2007). Bilingual language processing and interference in bilinguals: Evidence from eye tracking and picture naming. *Language Learning*, 57, 119–163. doi: 10.1111/j.1467-9922.2007.00401.x
- Korzilius H., Van Hooft A., Planken B. & Hendrix C. (2011). Birds of different feathers? The relationship between multicultural personality dimensions and foreign language mastery in business professionals working in a Dutch agricultural multinational. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 540–553. doi:10.1016/j.ijintrel.2011.02.018
- Lehtonen M., Soveri A., Laine A., Järvenpää J., de Bruin A. & Antfolk J. (2018). Is bilingualism associated with enhanced executive functioning in adults? A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 144(4), 394–425. doi: 10.1037/bul0000142
- Leontiev A.A. (2005). Psycholinguistic units and spawned speech. Moscow, KomKniga, 230.
- Leopold Werner F. Speech Development of a Bilingual Child. 4 Volumes. *Evanston and Chicago*, 1939–1950.
- Li P., Legault J. & Litcofsky K.A. (2014). Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain. *Cortex*, 58, 301–324. doi: 10.1016/j.cortex.2014.05.001
- Mackey W.F. (1956). Toward a Redefinition of Bilingualism. *Canadian Journal of Linguistics*, 2(R), 4–11.
- Mahon M. & Crutchley A. (2006). Performance of typically-developing school-age children with English as an additional language (EAL) on the British Picture Vocabulary Scales II (BPVS II). *Child Language Teaching and Therapy*, 22, 333–353. doi: 10.1191/0265659006ct311xx
- Mechelli A., Crinion J.T., Noppeney U., O'Doherty J., Ashburner J., Frackowiak R.S., & Price C.J. (2004). Structural plasticity in the bilingual brain.

- Nature*, 431, 757. doi: 10.1038/431757a
- Mill J.S. (1861). Utilitarianism. *Fraser's Magazine*.
- Morales-Galvez S. (2017). Living together as equals: Linguistic justice and sharing the public sphere in multilingual settings. *Ethnicities*, 17(5), 646–666. doi: 10.1177/14687968166667143
- Nair V.K., Biedermann B. & Nickels L. (2016). Consequences of late bilingualism for novel word learning: Evidence from Tamil–English bilingual speakers. *International Journal of Bilingualism*, 20, 473–487. doi: 10.1177/1367006914567005
- Oller D.K. & Eilers R.E. (Eds.) (2002). *Language and literacy in bilingual children*. Clevedon: Multilingual Matters. doi: 10.21832/9781853595721
- Paap K.R. & Greenberg Z.I. (2013). There is no coherent evidence for a bilingual advantage in executive processing. *Cognitive Psychology*, 66(2), 232–258. doi: 10.1016/j.cogpsych.2012.12.002
- Pavlovitch M. (1920). *Le langage enfantin: l'acquisition du serbe et du français par un enfant serbe*. Paris.
- Pearl E. & Lambert W.E. (1961). *The Relation of Bilingualism to Intelligence*. Multigraphed ed. Montreal: McGill University.
- Petrenko O.V., & Atnagulov I.R. (2014). Influence of Russian culture on the language of Russian Germans living in the territory of the Chelyabinsk region (on the project of creating a reference dictionary «Germans of the South Urals»). [*Problemy istorii, filologii, kultury*], 3(45), 232–235.
- Petrides K.V. & Furnham A. (2003). Trait emotional intelligence: Behavioural validation in two studies of emotion recognition and reactivity to mood induction. *European Journal of Personality*, 17, 39–57. doi:10.1002/per.466
- Portocarrero J.S., Burrell R.G. & Donovick P.J. (2007). Vocabulary and verbal fluency of bilingual and monolingual college students. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 22, 415–422. doi: 10.1016/j.acn.2007.01.015
- Rogers C.L., Lister J.J., Febo D.M., Besing J.M. & Abrams H.B. (2006). Effects of bilingualism, noise, and reverberation on speech perception by listeners with normal hearing. *Applied Psycholinguistics*, 27, 465–485. doi: 10.1017/S014271640606036X
- Ronjat Jules. (1913). *Le développement du langage observé chez un enfant bilingue*. Paris.
- Shcherba L.V. (1974). On the issue of bilingualism. [*L.V.Shcherba. Language system and speech activity*]. Leningrd, Nauka, 313–318.
- Shaigerova L.A., Zinchenko Yu.P., Shilko R.S. & Raevsky A.E. (2018). The phenomenon of bilingualism and multilingualism as a challenge to education in the modern socio-cultural situation. [*Lichnost' v epokhu peremen: mobilis in mobili: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 17–18 dekabrya 2018 g.*]. Moscow, Smysl, 48–50.
- Shaigerova L. & Zinchenko Y. (2016). Ethnocultural identity in the modern Russian society: impact of the region. *International Journal of Psychology*, 51, Supplement S1, 437–437.
- Shin H.B. & Kominski R.A. (2010). *Language use in the United States: 2007*. Washington, DC: U.S. Department of Commerce Economics and Statistics Administration, U.S. Census Bureau.
- Simons G.F. & Fennig C.D. (eds.). (2018). *Ethnologue: Languages of the World, Twenty-first edition*. Dallas, Texas: SIL International, Retrieved from: <http://www.ethnologue.com> (accessed: 01.02.2019).
- (2012). Special Eurobarometer 386 – Europeans and their languages, 145. Retrieved from: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 01.02.2019).
- Sultimova Z. (2005). Bilingualism as the basic basis of intercultural communication (based on the Republic of Buryatia case). Ph.D. in Cultural Sciences thesis. Ulan-Ude.
- Tautiev I.Kh. & Tsalikova M.A. (2014). Language construction and problems of bilingualism in the Republic of North Ossetia – Alania. [*Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*], 5, 582–587.
- Tishkov V.A., Stepanov V.V., Funk D.A. & Artemenko O.I. (2009). *Status and support of linguistic diversity in the Russian Federation: expert report*. Moscow.
- Valenzuela M.J. & Sachdev P. (2006). Brain reserve and dementia: A systematic review. *Psychological Medicine*, 36, 441–454. doi: 10.1017/S0033291705006264
- Valian V. (2015). Bilingualism and cognition. *Bilingualism: Language and Cognition*, 18(1), 3–24. doi:10.1017/S1366728914000522.
- Vygotsky L.S. (1935). On the issue of multilingualism in childhood. [*Umstvennoe razvitiye detey v protsesse obucheniya*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 53–72.
- Weinreich U. (1979). *Language contacts: state and issues of research*. Kiev, Visha skola.
- Whorf B.L. (1940). Science and linguistic. *Technology Review*, 42(6), 229–231.
- Zelazo P.D., Frye D. & Rapus T. (1996). An age-related dissociation between knowing rules and using them. *Cognitive Development*, 11, 37–63. doi: 10.1016/S0885-2014(96)90027-1
- Zinchenko Yu.P., Shaigerova L.A., Dolgikh A.G. & Savelieva O.A. (2019). Methodological problems of studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethnocultural identity. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 1, 174–194.
- Zinchenko Yu.P. (ed.) (2017). *Russian identity. Psychological well-being. Social stability: scientific monograph*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 520.